

Политика

Политика КНР в Юго-Восточной Азии

© 2020

Р.А. Полончук

В статье рассмотрены основные направления политики Китайской Народной Республики в Юго-Восточной Азии. Проанализированы политические, торгово-экономические и культурно-образовательные меры Китая по усилению влияния в ЮВА. Особое внимание уделено рассмотрению вопросов организации торгово-экономического сотрудничества и обеспечения региональной безопасности КНР совместно со странами ЮВА. Рассмотрена проблема Южно-Китайского моря в отношениях КНР со странами АСЕАН.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Юго-Восточная Азия, торгово-экономические отношения, сотрудничество, региональная безопасность, Южно-Китайское море.

DOI: 10.31857/S013128120010465-2

Одно из приоритетных мест во внешнеполитической доктрине КНР отводится реализации задачи расширения влияния в мире. Военно-политическое руководство Китая регулярно подчеркивает, что формирование благоприятных внешних условий — неперемный фактор успешного социально-экономического развития страны и ее дальнейшей модернизации.

Особую роль Китай отводит развитию всесторонних связей с государствами Юго-Восточной Азии (ЮВА). Его повышенный интерес к ним обусловлен рядом геополитических и экономических причин.

Юго-Восточная Азия — один из важнейших субрегионов мира, характеризующийся высокими темпами экономического развития. Выгодное географическое положение и значительный природно-ресурсный потенциал во многом определяют его значение как стратегически важного района.

Десять из одиннадцати государств ЮВА (исключая Восточный Тимор) являются членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) — одного из крупнейших интеграционных образований в этом регионе. В странах АСЕАН проживает более 630 млн человек. Их совокупный валовой внутренний продукт (ВВП) в

Полончук Руслан Андреевич, аспирант кафедры Международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Института права и национальной безопасности Факультета национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). E-mail: Rus_MGS@mai.ru.

Сноски на иностранных языках приведены в традициях и по правилам оригинальных изданий.

2018 г. достиг 2,59 трлн долл. США. При этом среднегодовые темпы роста ВВП составляют около 5%¹.

В субрегионе имеются значительные запасы природных ресурсов, которые занимают важное место во внешней торговле большинства расположенных здесь государств. Значимым источником экономического развития государств ЮВА является потенциал Южно-Китайского моря (ЮКМ). Через его акваторию проходят международные морские коммуникации, в том числе осуществляется транспортировка углеводородов с Ближнего Востока. Малаккский пролив ежегодно используют 70 тыс. торговых судов и 20 тыс. танкеров. Суммарные запасы нефти в ЮКМ, по предварительным данным, составляют до 30 млрд т, а природного газа — не менее 16 трлн куб. м. Бассейн ЮКМ находится на 4-м месте среди крупнейших рыбопромысловых районов мирового океана².

Экономические успехи и стратегическое положение стран АСЕАН определяют повышенный интерес к ним Китайской Народной Республики. Особое значение для Китая имеют ресурсы и акватория ЮКМ, возможность контроля над Малаккским проливом, через который в Восточную Азию поступает большая часть нефти из Персидского залива (до 80% китайского импорта данного вида углеводородного сырья).

Развитие взаимодействия КНР со странами Ассоциации обусловлено, с одной стороны, экономическими причинами, а с другой — необходимостью обеспечения безопасности во всех областях. При этом обе стороны отмечают необходимость поддержания региональной стабильности как неперемennого условия для экономического развития, а это одинаково важно как для Китая, так и для всех расположенных здесь стран.

Лидеры Китая и государств АСЕАН полагают, что взаимное сотрудничество создает предпосылки для формирования необходимого нового регионального порядка. В Ассоциации признают, что Пекин, демонстрируя высокие темпы роста, является перспективным союзником, за счет которого можно обеспечить собственное экономическое развитие, в результате чего активизировать участие в процессе глобализации. В свою очередь, КНР активно участвует во всех диалоговых и консультативных органах АСЕАН. Стороны практикуют создание специальных центров для развития сотрудничества в самых разных сферах, развиваются взаимные инвестиции, туризм, энергетическое, техническое и инновационное сотрудничество³.

Дополнительным условием успеха влияния Китая в регионе является продолжительная история экономических взаимоотношений с государствами—членами АСЕАН. Мощным преимуществом Пекина служит сосредоточение основной части богатств Юго-Восточной Азии в руках этнических китайцев.

Следует отметить, что в настоящее время усиление влияния Пекина в ЮВА является преимущественно экономическим и обуславливается задачей обеспечения дальнейшего роста собственного китайского производства. Это связано с тем, что китайская экономика носит экспортно ориентированный характер, около 60% ВВП обеспечивается за счет внешней торговли. Следовательно, в рамках существующей модели хозяйствования требуется стимулирование и продвижение экспорта. Кроме того, для поддержания экономического роста Китай нуждается в ресурсах, которых ему не хватает — в первую

1. *Eric Heginbotham*, "China's Strategy in Southeast Asia," in *China Steps Out: Beijing's Major Power Engagement with the Developing World*, ed. Joshua Eisenman and Eric Heginbotham. (New York: Routledge, 2018), 48–49.
2. *William A. Callahan*, "China's 'Asia Dream': The Belt and Road Initiative and the New Regional Order," *Asian Journal of Comparative Politics* 1, no. 3. (2016): 226–243.
3. *Lisa Tobin*, "Xi's vision for Transforming Global Governance: A Strategic Challenge for Washington and Its Allies," *Texas National Security Review* 2, no. 1 (November 2018). URL: <https://tnsr.org/2018/11/xis-vision-for-transforming-global-governance-a-strategic-challenge-for-washington-and-its-allies/>.

очередь нефти, природного газа, железной и медной руд, свинца, цинка. По этой причине Китай оказывает содействие, прежде всего, в реализации инфраструктурных и энергетических проектов, что, помимо создания благоприятного имиджа в странах АСЕАН, приносит ему реальную выгоду — открывает доступ к энергетическим ресурсам и минеральному сырью¹.

Вместе с тем у КНР с рядом стран АСЕАН существуют взаимные территориальные претензии, что ведет к росту напряженности, а главное, дает повод США обосновывать свое военное присутствие в субрегионе в увязке с необходимостью обеспечения свободы судоходства в ЮКМ. Разрешить существующие противоречия Китай стремится исключительно на двусторонней основе с каждой из стран, вовлеченных в конфликт.

Кроме того, активизация террористической деятельности в странах субрегиона (Филиппины, Индонезия, Мьянма) вызывает серьезную обеспокоенность Пекина, поскольку теракты совершаются не только против местных органов власти, но и против граждан и объектов Китая. Более того, на территории указанных стран могут проходить подготовку боевики китайских экстремистских движений, в частности «Исламского движения Восточного Туркестана»².

Для достижения геополитических целей в субрегионе Китайская Народная Республика использует разнообразные инструменты усиления своего влияния в ЮВА:

торгово-экономические (таможенные, кредитные, налоговые, финансовые, подрядные работы за рубежом, валютные);

политические (двусторонние встречи на высшем и высоком уровнях, участие в региональных и международных организациях, укрепление военного потенциала, военное и военно-техническое сотрудничество);

культурно-образовательные (распространение китайского языка, создание институтов Конфуция, образование, привлечение китайской диаспоры, общественные, культурные и спортивные мероприятия)³.

Торгово-экономические меры Китая по усилению влияния в ЮВА

Китай выступает крупным инвестором и торговым партнером стран АСЕАН, занимая 3-е место по объему инвестиций в их экономику. По итогам 2018 г., взаимный торговый оборот достиг 587,87 млрд долл., увеличившись на 14,2% по сравнению с 2017 г. (514,8 млрд, рис. 1)⁴.

Таким образом, КНР является крупнейшим торговым партнером для стран Ассоциации; в свою очередь АСЕАН занимает третью позицию во внешней торговле Китая. При этом объем взаимных инвестиций в 2018 г. составил 205,71 млрд долл.

Данные по взаимному товарообороту Китая со странами АСЕАН по годам приведены в табл. 1.

1. *Zhang Yunling*, “China and Its Neighborhood: Transformation, Challenges, and Grand Strategy,” *International Affairs* 92, no. 4, (2016), 839.
2. *Mitsuru Obe and Marimi Kishimoto*, “Why China is Determined to Connect Southeast Asia by Rail,” *Nikkei Asian Review*, January 9, 2019. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Cover-Story/Why-China-is-determined-toconnect-Southeast-Asia-by-rail>.
3. *Michelle Jamrisko*, “China No Match for Japan in Southeast Asia Infrastructure Race,” *Bloomberg*, June 22, 2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-06-23/china-no-match-for-japan-in-southeast-asia-infrastructure-race>.
4. *Jitsiree Thongnoi*, “Too Little, Too Late for US ‘Recommitment’ to Mekong Countries? China’s Already There,” *South China Morning Post*, June 16, 2019. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3014612/toolittle-too-late-us-recommitment-mekong-countries-chinas>.

Согласно статистическим данным, объем накопленных капиталовложений китайских компаний в государства ЮВА достигает 120 млрд долл. Однако следует полагать, что реальная цифра значительно больше, так как инвесторы из КНР, как правило, создают новые компании с оформлением права собственности на выходцев из КНР, проживающих в других странах (*хуацяо*). С учетом данного фактора прямые инвестиции китайского бизнеса только в пять стран региона (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма и Таиланд) за 2004–2016 гг. достигли 69 млрд долл. (табл. 2).

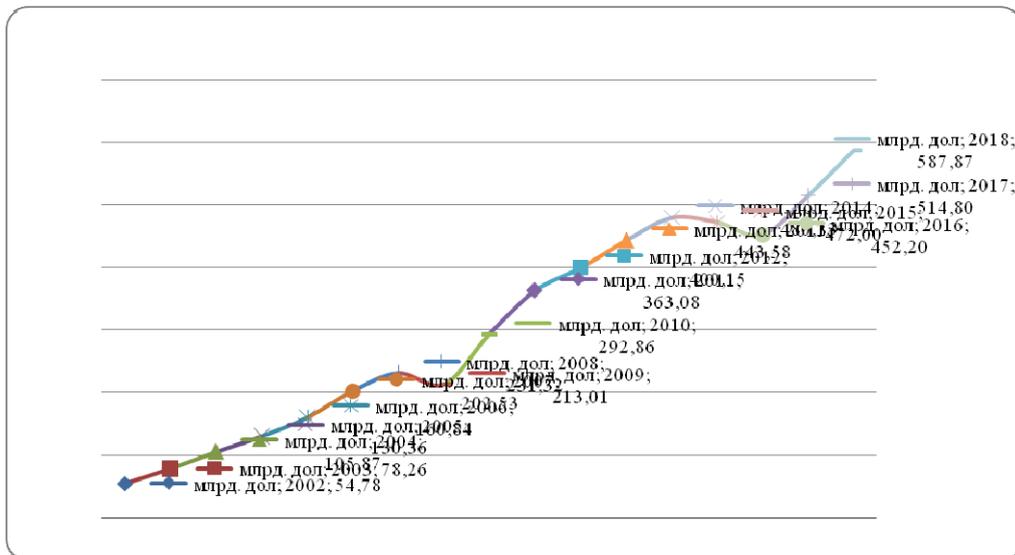

Рис. 1. Динамика изменения взаимного товарооборота стран АСЕАН с Китаем, млрд долл.

Таблица 1

Страна	2003	2005	2007	2009	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Бруней	0,35	0,26	0,36	0,42	1,31	1,63	1,79	1,94	1,51	0,73	1,4	2,67
Вьетнам	4,64	8,2	15,12	21,05	40,21	51,44	65,48	83,63	95,85	98,27	123,03	138,7
Индонезия	10,23	16,79	25	28,39	60,55	67,23	68,35	63,55	54,23	53,53	58,17	64,81
Камбоджа	0,32	0,56	0,93	0,94	2,5	2,92	3,77	3,76	4,43	4,72	5,0	6,2
Лаос	0,11	0,13	0,26	0,75	1,3	1,72	2,73	3,61	2,77	2,35	3,6	5,17
Малайзия	20,13	30,7	46,47	51,96	90,02	96,83	106,08	102,0	97,26	86,93	96,14	109,77
Мьянма	1,08	1,21	2,08	2,9	6,5	7,97	10,2	24,97	15,1	12,29	13,48	17,73
Таиланд	12,65	21,81	34,64	38,19	64,73	69,75	70,64	72,62	75,46	75,72	80,8	87,94
Сингапур	19,35	33,15	47,14	47,86	63,71	64,23	75,9	79,72	79,52	70,51	80,27	98,97
Филиппины	9,4	17,56	30,62	20,54	32,25	36,38	38,05	44,46	45,64	47,23	52,91	55,91
Всего	78,3	130,4	203,2	213	363	400,1	443,6	480,3	471,8	452,3	514,8	587,87

Источник: данные Всемирного банка.

Несмотря на то, что с 2004 г. объемы привлеченных китайских капиталов выросли во всех странах ЮВА, не везде они доминируют в общем объеме прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Китай выступает в качестве главного инвестора в Камбодже (43%), Лаосе (25%) и Мьянме (45%). В то же время в Таиланде и во Вьетнаме китайская доля в ПИИ составляет 6,4 и 13,2% соответственно¹.

1. Ben Sokhean, "Hun Sen Inks Nine Deals with China," Khmer Times, April 29, 2019. URL: <https://www.khmertimeskh.com/50598850/hun-sen-inks-nine-deals-with-china/>.

Характерным примером, демонстрирующим темпы привлечения китайского капитала, служат отношения КНР и Малайзии. В период 2013–2017 гг. ее власти заключили с китайскими компаниями контрактов на 134 млрд долл., а объем инвестиций в эту страну вырос на 350%. Только в 2017 г. в страну привлечено 2,3 млрд долл. из Китая. В основном деньги вкладывались в крупные инфраструктурные и строительные проекты¹.

Таблица 2

Страна	Всего ПИИ в 2004–2016 гг., млрд долл.	Доля КНР, % / млрд долл.
Вьетнам	229,426	8,3 / 19,146
Камбоджа	25,458	43 / 10,937
Лаос	19,333	25 / 4,83
Мьянма	55,851	45,4 / 25,377
Таиланд	133,472	6,4 / 8,54

Росту взаимной торговли и инвестиций способствовало то, что в 2003 г. Китай стал стратегическим партнером стран АСЕАН. В январе 2010 г. вступило в действие «Соглашение о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) между КНР и АСЕАН» (The China-ASEAN Free Trade Area, CAFTA). В развитие данного механизма стороны в 2015 г. подписали отдельный документ о совершенствовании режима действующей между ними ЗСТ.

«Протокол о повышении уровня зоны свободной торговли Китай — АСЕАН» стал первым таким соглашением для подобных экономических объединений, в которые входит КНР. Он затрагивает такие сферы, как торговля товарами и услугами, инвестиции, а также экономическое и техническое сотрудничество. Целью его заключения стало достижение объема товарооборота в 1 трлн долл. между Китаем и государствами — участниками АСЕАН. Первоначально данный показатель планировалось достичь к 2020 г., но по результатам 2018 г. очевидно, что данную задачу выполнить не удастся.

Пекин, наряду с развитием сотрудничества по линии Китай — АСЕАН стремится наращивать взаимодействие и в более узких форматах, в том числе определяемых географическим положением стран. Так, одним из важных направлений китайской экспансии стали меры по развитию экономического сотрудничества в долине реки Меконг.

Вьетнам, Камбоджа, Китай, Лаос, Мьянма и Таиланд в 1992 г. при содействии Азиатского банка развития (АБР) создали Программу экономического сотрудничества в субрегионе Большого Меконга (СБМ). Примечательно, что если на начальном этапе (1992–2007 гг.) реализации проекта его финансовую поддержку осуществлял в основном АБР, то уже на втором этапе (2008 — 2012 гг.) китайская доля в инвестициях выросла до 32,2% (АБР — 22,1%)².

Основными инвесторами АБР являются США и Япония (по состоянию на 31.12.2018 г. — по 15,6%), которые обладают решающим правом голоса. Доля Китая составляет всего 6,4%. По этой причине Пекин для расширения своего влияния на страны бассейна р. Меконг предпринял шаги по трансформации проекта СБМ в новый механизм сотрудничества Ланьцанцзян³-Меконг (МСЛМ, Lancang-Mekong Cooperation, LMC). Главным его отличием от предыдущего является финансирование всех инфраструктур-

1. “China-Cambodia Community of Shared Future Features Four Special Points: Chinese Ambassador to Cambodia,” Fresh News Asia, May 8, 2019. URL: <http://m.en.freshnewsasia.com/index.php/en/local-news/13941-2019-05-08-08-06-23.html>.

2. Andrew J. Nathan, “China’s Challenge,” Journal of Democracy 26, no. 1 (January 2015): 157. URL: <https://www.journalofdemocracy.org/article/china%E2%80%99s-challenge>.

3. Название реки Меконг на китайском языке.

ных проектов за счет специального фонда, основу которого составляет китайский капитал, а также других финансовых институтов, подвластных КНР. Кроме того, если в рамках СБМ основные усилия были направлены на борьбу с бедностью и реализацию социальных проектов, то под влиянием Пекина МСЛМ преследует цель экономического развития и инфраструктурного строительства¹.

В 2014 г. китайцы выдвинули ряд субрегиональных инициатив, в том числе и налаживание механизма диалога и сотрудничества стран бассейна Ланьцанцзян-Меконг. Первая встреча министров иностранных дел по сотрудничеству МСЛМ состоялась 12 ноября 2015 г. в городе Цзинхун провинции Юньнань (КНР). Ее участники договорились официально запустить процесс сотрудничества в бассейне р. Меконг, объявив о создании соответствующего механизма сотрудничества².

Министр иностранных дел Китая Ван И подчеркнул, что в качестве приоритетных направлений работы определены транспортно-коммуникационное, кооперация в области производственных мощностей, трансграничное экономическое взаимодействие, сотрудничество в сфере водных ресурсов и сельское хозяйство. А тремя опорами этой деятельности должны стать политика, финансы и интеллектуальные ресурсы³.

Второе заседание руководителей стран—участниц механизма сотрудничества Ланьцанцзян-Меконг прошло в 2018 г. (10–11 января) в г. Пномпень (Камбоджа)⁴. По его итогам стороны утвердили «Программу действий по сотрудничеству в бассейне Ланьцанцзян-Меконг на 2018–2022 гг.» и «Пномпеньскую декларацию второго заседания руководителей стран механизма сотрудничества в бассейне Ланьцанцзян-Меконг».

Наряду с укреплением связей на многосторонней основе Китай проводит политику развития взаимодействия с каждой из стран, расположенных в долине р. Меконг. В частности, Пекин и Бангкок 11 октября 2018 г. подписали соглашение о реализации проектов в области водных ресурсов в рамках специального фонда механизма сотрудничества в бассейне реки Ланьцанцзян-Меконг. Согласно договоренности, КНР обеспечит финансирование тайландских исследований в области развития гидроэнергетики и борьбы с изменением климата⁵.

В целом, учитывая вовлеченность Китая в этот проект, очевидно, что МСЛМ способствует последовательному вовлечению экономик стран региона в китайскую программу инфраструктурного развития.

Еще одним проектом, способствующим экспансии китайского бизнеса в страны ЮВА, является проводимая с 2004 г. ежегодная промышленная выставка «Китай—АСЕАН Экспо» (The China-ASEAN Expo, CAEXPO) в г. Наньнин (Гуанси-Чжуанский автономный район Китая). Ее организаторами выступают Министерство торговли КНР, торгово-экономические ведомства правительств 10 стран ЮВА и Секретариат АСЕАН.

-
1. *Khin Khin Kyaw Kyee*, China's Multi-layered Engagement Strategy and Myanmar's Realities: The Best Fit for Beijing Policy Preferences (Yangon: Institute for Strategy and Policy — Myanmar, 2018), 14–15.
 2. "Global Center for Mekong Studies Launched in Cambodia," Xinhua, September 28, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-09/28/c_136645466.htm.
 3. *Liu Zhen*, "What's China's 'Nine-Dash Line' and Why Has It Created So Much Tension in the South China Sea," South China Morning Post, July 12, 2016. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/1988596/whats-chinas-nine-dash-line-and-why-has-it-created-so>.
 4. Первая встреча состоялась 22–23 марта 2016 г. в г. Санья провинции Хайнань (Китай). Участники согласовали крупные направления деятельного данного механизма сотрудничества.
 5. *Pradumna B. Rana and Xianbai Ji*, "Belt and Road Forum 2019: BRI 2.0 in the Making?" S. Rajaratnam School of International Studies, May 2, 2019. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2019/05/CO19086.pdf>.

Мероприятие направлено на формирование новой модели двустороннего всеобъемлющего сотрудничества между партнерами, цель которой заключается в продвижении китайской продукции в странах ЮВА. Об этом свидетельствует сумма заключенных китайскими компаниями контрактов — 21 млрд долл., или 60% всех контрактов в 2018 г. Особую роль ярмарка сыграла в период глобального финансового кризиса, когда было отмечено сокращение экспорта стран АСЕАН в Европейский союз, США и Японию, однако сохранялся рост взаимного товарооборота с Китаем.

Расширению китайского влияния в государствах Юго-Восточной Азии активно способствует китайская инициатива «Один пояс, один путь»¹ (ОПОП) и капиталовложения Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Использование этих инструментов позволяет Китаю решить ряд важных комплексных задач политического, экономического, военного и культурного характера.

По мнению руководства КНР, одним из положительных результатов реализации стратегии ОПОП может стать снижение существующего разногласия между ней и сопредельными странами, связанного с обострением территориальных споров в Южно-Китайском море. Активизация разностороннего сотрудничества должна способствовать улучшению региональной военно-политической обстановки. Культурно-гуманитарное взаимодействие в рамках инициативы (туризм, обмен студентами, «народная дипломатия») позволит и дальше наращивать присутствие Китая в ЮВА².

Военно-политическое руководство КНР, продвигая ОПОП, стремится, прежде всего, создать условия устойчивого развития собственной страны и обеспечить национальную безопасность. Пекин делает особый упор на экономический аспект ОПОП, который к тому же выступает инструментом китайской политики «мягкой силы», призванной повысить привлекательность Китая для стран ЮВА и завоевать их доверие. Важная цель инициативы состоит в перенаправлении потоков экспорта товаров и капиталов в те государства, которые до сих пор не являются активными участниками мировой торговли.

Контроль над морским и сухопутным маршрутами позволит обеспечить энергетическую безопасность КНР, так как, являясь крупнейшим импортером энергоресурсов в мире, она в значительной степени зависит от морских поставок и безопасности морских транспортных коридоров (90% внешней торговли Китая осуществляется морским путем). Для Пекина проект позволяет снизить транспортные издержки, а для государств, вовлеченных в него, — привлечь инвестиции в регион и сократить огромный разрыв в развитии инфраструктуры между членами АСЕАН. В конечном итоге создаются безопасные бесперебойные и высокоэффективные морские транспортные маршруты с узловыми точками в важнейших портах.

Финансовым обеспечением ОПОП в ЮВА занимается Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (все страны субрегиона вошли в состав его учредителей в 2014–2015 гг.), инвестиционный Фонд Шелкового пути и Фонд морского сотрудничества Китай — АСЕАН. Проект предоставляет государствам большие возможности для развития инфраструктуры: портов, шоссе и железных дорог, аэродромов, электростанций, трубопроводов. Таким образом, параллельно создаются альтернативные сухопутные

-
1. Инициатива КНР «Один пояс, один путь», состоит из двух частей — «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского шелкового пути XXI века». Выдвижение идеи ОПОП было вызвано как социально-экономической и экологической ситуацией внутри Китая, так и пересмотром внешнеполитических приоритетов страны.
 2. *Bilahari Kausikan*, “Dealing with an Ambiguous World — Lecture III: ASEAN & US-China Competition in Southeast Asia” (Singapore: IPS-Nathan Lectures, March 30, 2016), 24–25.
URL: https://lkyspp.nus.edu.sg/docs/default-source/ips/mr-bilahari-kausikan-speech7d7b0a7b46bc6210a3aaff0100138661.pdf?sfvrsn=cec7680a_0.

коридоры и морские пути доставки товаров¹. Основные инфраструктурные проекты Китая в странах АСЕАН в рамках ОПОП представлены в табл. 3.

Таблица 3

Страна	Проект	Примечания
Бруней	Модернизация морского контейнерного терминала Муара	
Вьетнам	Строительство вьетнамского участка Паназиадской железнодорожной сети	
Индонезия	Модернизация порта Танджунг-Приок (0,59 млрд долл.) Всего Китай планирует принять участие в сооружении 24 морских портов, 15 аэропортов, строительстве 1 тыс. км шоссеиных дорог, прокладке 8700 км железнодорожных путей, возведении электростанции	
Камбоджа	Строительство глубоководного порта на побережье Сиамского залива	
Лаос	Проект высокоскоростной железнодорожной линии	
Малайзия	Строительство глубоководного порта Мелака (7,2 млрд долл.)	
	Модернизация порта Пенанг (1,4 млрд долл.)	
	Строительство порта Куала-Лингги для обслуживания танкеров (2,84 млрд долл.)	
	Модернизация порта Куантан 0,18 млрд долл.)	
	Строительство железнодорожной ветки (13 млрд долл.)	Стороны вернулись к обсуждению его реализации в марте 2019 г.
	Сооружение нефте- и газопровода (2 млрд долл.)	Проект приостановлен
Мьянма	Модернизация морских портов Янгон и Чаупхью	
	Мьянманский участок транспортного коридора Китай—Мьянма—Бангладеш—Индия (22 млрд долл., включает автомобильное, железнодорожное, водное и воздушное сообщение)	
Таиланд	Проект высокоскоростной железнодорожной линии	

Политические меры Китая по усилению влияния в ЮВА

Анализ внешней политики Китая в период 2005–2019 гг. показывает, что развитие отношений со странами ЮВА остается одним из наиболее приоритетных направлений в деятельности руководства страны. Данный подход обусловлен интересами безопасности и стратегией создания по периметру границ КНР «пояса мира, стабильности и совместного процветания». Формирование такого барьера призвано обеспечить благоприятные условия для экономического развития государства в долгосрочной перспективе.

Упор на финансирование крупных инфраструктурных проектов в субрегионе, предоставлении льготных кредитов и демонстрация значительных экономических

1. David Shambaugh, “U.S.-China Rivalry in Southeast Asia: Power Shift or Competitive Coexistence,” *International Security* 42, no. 4 (Spring 2019), 100–103.

преимуществ от развития отношений с Китаем являются характерными особенностями политики Пекина по проникновению в Юго-Восточную Азию. Весь этот комплекс мер следует рассматривать в контексте проведения КНР экономической дипломатии, суть которой заключается в использовании экономических инструментов для достижения внешнеполитических целей. Важнейшей стратегической целью, которую преследует Пекин, налаживая торгово-экономические связи со странами АСЕАН, выступает создание всепроникающей экономической зависимости стран ЮВА от Китая, что в перспективе должно обеспечить китайскому руководству получение рычага давления на соответствующие государства¹.

В свою очередь использование политических инструментов способствует развитию экономических связей. Среди них важное место отводится двусторонним встречам на высшем и высоком уровнях. Официальные и рабочие встречи Председателя КНР, его заместителя, премьера Государственного совета, министра иностранных дел и других официальных лиц Китая с зарубежными коллегами существенно ускоряют подготовку крупных коммерческих контрактов и кредитных соглашений².

Такой инструмент, как участие в региональных и международных организациях, Пекин использует преимущественно для укрепления своего статуса регионального лидера и противодействия влиянию США и Европейского союза.

В контексте дальнейшего усиления своего влияния, недопущения формирования коалиций, направленных на сдерживание Пекина, а также повышения собственной роли Китай последовательно развивает военное и военно-техническое сотрудничество со странами ЮВА. В настоящее время взаимодействие осуществляется в виде обменов делегациями различного уровня, подготовки военнослужащих стран АСЕАН в вузах КНР, проведения совместных мероприятий боевой подготовки.

В качестве важного направления укрепления связей в военной сфере Китай выделяет сотрудничество по вопросам обеспечения безопасности и противодействия терроризму. Данная деятельность расценивается как необходимое условие усиления контроля обстановки с целью не допустить ее обострения и дестабилизации. Для продвижения своих интересов Пекин активно использует такие механизмы, как региональный форум АСЕАН по безопасности, совещание министров обороны АСЕАН и партнеров по диалогу («СМОА плюс»).

С рядом стран ЮВА Китай на двусторонней основе создал межведомственные рабочие группы по линии советов безопасности и министерств обороны. В число обсуждаемых вопросов входят взаимодействие в области безопасности, включая борьбу с международным терроризмом. Расширяется сотрудничество между органами военных разведок³.

Кроме того, Китай, используя заинтересованность руководства государств субрегиона в диверсификации источников закупки продукции военного назначения, стремится укрепить свои позиции путем продажи широкой номенклатуры вооружений и военной техники.

-
1. *Jonathan Stromseth and Hunter Marston*, "As U.S. Aircraft Carrier Departs Vietnam, What are the Implications for Regional Security," The Brookings Institution, March 9, 2018. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/03/09/as-a-u-s-aircraft-carrier-departs-vietnam-what-are-the-implications-for-regionalsecurity/>.
 2. *Christopher Sharman*, "After a China-Vietnam Standoff, Expect a Turn to the U.S.," The Diplomat, September 20, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/09/after-a-china-vietnam-standoff-expect-a-turn-to-the-us>.
 3. "Indonesia to Propose Projects Worth US\$91 Billion for China's Belt and Road," The Straits Times, March 20, 2019. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/indonesia-to-propose-projects-worth-us91-billion-for-chinas-belt-and-road>.

С началом XXI века во внешнеполитическом курсе Пекина важная роль предназначена публичной дипломатии. Возрастает присутствие китайских СМИ в информационном пространстве стран Юго-Восточной Азии, призванное воздействовать на аудитории стран региона и способствовать формированию положительного имиджа Китая. В общей сложности на десять стран АСЕАН приходится порядка половины от всего экспорта китайских телевизионных программ в страны мира (по количеству часов трансляции), что позволяет говорить о Юго-Восточной Азии как о крупнейшем рынке для китайской информационно-развлекательной продукции¹.

В целом для достижения поставленной цели по закреплению и расширению своего влияния китайцы предпринимают шаги по усилению пропагандистского воздействия на общественное мнение в соседних государствах. В интересах положительного освещения развития сотрудничества и реализации проектов Пекин проводит работу по информационному обеспечению деятельности механизма МСЛМ. По инициативе китайской стороны и при ее финансовом обеспечении 2–3 июля 2018 г. в столице Лаоса г. Вьентьян состоялась конференция по углублению сотрудничества между средствами массовой информации (СМИ) шести стран долины р. Меконг. В ее работе приняли участие представители правительств, информационных агентств, научных и деловых кругов. Обсуждались вопросы укрепления связей между органами государственной власти, подрядчиками и журналистами, а также необходимость более широкого освещения реализуемых инфраструктурных проектов посредством публикаций в печатных и электронных изданиях.

Проблемные вопросы торгово-экономического сотрудничества и обеспечения безопасности

Несмотря на перспективы экономического сотрудничества с Китаем АСЕАН сталкивается и с факторами, способными блокировать реализацию значительной части инициатив. Главная сложность — стремление диверсифицировать свои экономические и политические связи. Так, даже после отказа президента США Д. Трампа от участия его страны в Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) некоторые страны АСЕАН рассчитывают на успешную реализацию данного механизма в новом формате — ТТП-11 (Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство, ВПТТП). Четыре страны — участницы Ассоциации уже подписали договор о вступлении в ВПТТП (Бруней, Вьетнам, Малайзия, Сингапур)².

Вместе с тем переговоры о присоединении к Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству, концепцию которого продвигает КНР, также идут сложно — страны ЮВА стремятся отстаивать собственные экономические интересы, не соглашаясь унифицировать стандарты. Государства Юго-Восточной Азии весьма болезненно относятся к своему суверенитету, который большинству из них достался в тяжелой борьбе. В связи с этим создание политической интеграции, предусматривающей образование транснациональной структуры управления, на территории субрегиона практически нереализуемо.

В странах субрегиона отмечается тенденция нарастания негативного отношения к экономическому сотрудничеству с Пекином, которая объясняется резким увеличением

-
1. *Dewi Fortuna Anwar*, “Indonesia-China Relations: Coming Full Circle,” in *Southeast Asian Affairs* 2019, ed. Daljit Singh and Malcolm Cook (Singapore: ISEAS — Yusof Ishak Institute, 2019), 145–161.
 2. “Foreign Direct Investment (FDI) in Bangladesh Survey Report January-June, 2017” Statistics Department Bangladesh Bank. URL: <https://www.bb.org.bd/pub/halfyearly/fdisurvey/fdisurveyjan-jun2017.pdf>, accessed March 11, 2019.

отрицательного торгового баланса стран АСЕАН в торговле с Китаем, который превышает 86 млрд долл. (рис. 2)¹.

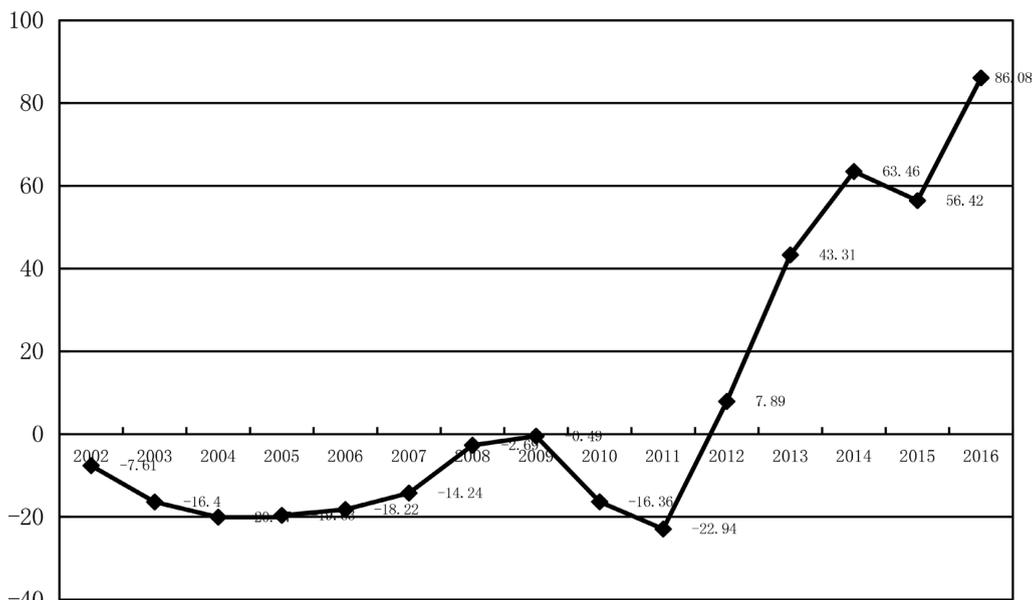

Рис. 2. Торговый баланс Китая со странами АСЕАН, млрд долл.

В Ассоциации уверены, что рост дисбаланса в торговле приведет к доминированию «китайского порядка» в ЮВА. В правительствах стран АСЕАН все больше становится сторонников мнения, что КНР стремится стать монополистом во внешних связях региона. Это вызывает опасения относительно растущего влияния Китая, в первую очередь со стороны Вьетнама и Филиппин, у которых с ним наиболее острые территориальные противоречия. В средствах массовой информации стран неоднократно публиковались статьи, в том числе перепечатки западных изданий, о том, что китайцы используют ОПОП для получения политической лояльности со стороны местных властей и продвижения своих геополитических интересов.

Анализ статистических данных торгового баланса (табл. 4) показывает, что создание зоны свободной торговли в 2010 г. позволило КНР существенно нарастить экспорт и уже в 2012 г. привело к образованию положительного сальдо в пользу Пекина. Таким образом, опасения стран ЮВА о растущей зависимости от Китая не являются обоснованными².

В контексте данной проблемы премьер-министр Малайзии М. Мохамад во время визита в Китай в августе 2018 г. объявил о приостановке сразу трех совместных проектов. В их число вошли два трубопровода³ общей стоимостью 2 млрд долл., а также железнодорожная ветка длиной 688 км от восточного побережья до западных районов страны. В качестве причины глава государства сослался на отсутствие достаточных финансо-

1. “Bangladesh Bank Open Data Initiative” Bangladesh Bank. URL: <https://www.bb.org.bd/econdata/>, accessed March 11, 2019.

2. Taiki Koga, JETRO Business News, 2017–6–12. URL: <https://www.jetro.go.jp/biznews/2017/06/ce5ab47418ba84cc.html>, accessed March 5, 2019).

3. Контракты на строительство нефтепровода вдоль западного побережья Малайзии (протяженность 600 км) и газопровода в штате Сабах на востоке страны (660 км) были подписаны в 2016 г., работы по их сооружению начались в апреле 2017 г.

вых средств. Изначально на строительство железнодорожной магистрали КНР предоставила кредит 13 млрд долл., но с учетом процентов по кредиту, выделенных китайскими банками для сооружения дороги, конечная стоимость проекта составит 19–20 млрд долл.

Таблица 4

Год	Экспорт Китая в страны АСЕАН, млрд долл.	Импорт Китая из стран АСЕАН, млрд долл.	Торговый баланс, млрд долл.
2002	23.58	31.20	-7.61
2003	30.93	47.33	-16.40
2004	42.90	62.97	-20.07
2005	55.37	74.99	-19.63
2006	71.31	89.53	-18.22
2007	94.15	108.39	-14.24
2008	114.32	117.00	-2.69
2009	106.26	106.75	-0.49
2010	138.16	154.70	-16.36
2011	170.07	193.02	-22.94
2012	204.26	195.89	7.89
2013	243.44	200.14	43.31
2014	271.79	208.33	63.46
2015	256.84	200.4	56.42
2016	276.5	190.4	86.08
2017	279.1	235.7	514.8

Последствия данного события имеют отрицательный эффект не только для китайско-малазийских отношений, но и для целого ряда других проектов ОПОП. Дело в том, что согласно китайским планам железная дорога в Малайзии должна была стать ключевой частью крупной транспортной сети — Паназиатской железнодорожной сети в Юго-Восточной Азии, которая проходила бы от юго-западных районов Китая через Вьетнам, Камбоджу, Лаос, Мьянму, Таиланд и в итоге выходила бы в Малайзию, к портам, расположенным на ее западном побережье и далее до Сингапура (рис. 3). Именно через акваторию Малаккского пролива проходит около 60% китайской торговли и до 80% китайского импорта углеводородов¹.

Без малазийского участка экономическая эффективность строительства данного транспортного коридора существенно снижается. Кроме того, в случае окончательной отмены строительства Китай не сможет достичь поставленной задачи — снизить зависимость от транспортировки грузов через Малаккский пролив.

Сложившаяся ситуация вынудила Китай пойти на ряд уступок и снизить стоимость проекта до 12 млрд долл. В ходе переговоров с малазийской стороной, прошедших в первом квартале 2019 г., Куала-Лумпур согласился вернуться к возобновлению строительства железнодорожной ветки.

Данный случай вскрыл еще одну острую проблему во взаимоотношениях Китая с внешним миром. Значительная часть средств, выделяемых китайскими финансовыми учреждениями, предоставляется не как инвестиции, а как кредиты, которые Китай раздает странам, в том числе со слабыми экономиками, в обмен на инфраструктурные проекты, а порой и на поддержку на площадках международных организаций. Выплата этих

1. *Derek Scissors*, “China’s Global Business Footprint Shrinks”, AEI, July 2019.

URL: <https://www.aei.org/wp-content/uploads/2019/07/Chinas-Global-BusinessFootprint-Shrinks.pdf>.

кредитов и процентов по ним может привести к экономической зависимости и спровоцировать дефолт стран-заемщиц¹.

Рис.3. Паназиатская железнодорожная сеть

Для государств АСЕАН примером негативных последствий служит порт Хамбантога в Шри-Ланке, который власти вынуждены были отдать компании из КНР в аренду на 99 лет, потому что не смогли погасить полученный ранее кредит в размере 1,4 млрд долларов. Из стран Ассоциации в тяжелом положении также может оказаться Лаос. Китайцы здесь ведут строительство железной дороги стоимостью 6,7 млрд долл., что составляет около 50% от ВВП данного государства.

С учетом негативных последствий от экономической экспансии Пекина, правительства отдельных государств АСЕАН принимают меры по недопущению усиления его влияния. В частности, власти Таиланда рассматривают реализацию инициативы «Один пояс, один путь» на территории страны как инструмент наращивания присутствия Китая. В связи с этим Бангкок считает оправданным участие в инфраструктурных проектах данной стратегии только в случае их увязки с национальными экономическими планами развития. Такой подход, с одной стороны, привлечет китайские инвестиции в высокотехнологические отрасли и будет способствовать превращению страны в ведущий производственно-логистический центр ЮВА, а с другой — обеспечит сохранение экономической независимости².

1. Cecilia Joy Perez and Derek Scissors, “Be Wary of Spending on the Belt and Road”, AEI, November 2018. URL: <https://www.aei.org/wp-content/uploads/2018/11/Updated-BRI-Report.pdf/>.
2. “Asia Power Index 2019”, Lowy Institute. URL: <https://power.lowyinstitute.org>.

Так, по результатам 6-го заседания тайландско-китайского торгово-экономического сотрудничества (24–25 августа 2018 г., Бангкок) было подписано 17 соглашений, направленных на сопряжение ОПОП с создаваемой в королевстве особой экономической зоной «Восточный экономический коридор». При этом тайландская сторона настояла на ряде финансово-правовых ограничений для китайцев. В частности, контрольный пакет акций в создаваемых на территории страны совместных предприятиях (СП) принадлежит государству, исключается передача китайским компаниям земельных участков. Для работы в СП планируется организовать подготовку тайландских специалистов с последующим их устройством на работу.

Всего, согласно достигнутым договоренностям, планируемый объем инвестиций в экономику Таиланда до 2021 г. составит 14 млрд долл., взаимный товарооборот — 130 млрд долл.

Одним из важных вопросов, с которым придется столкнуться правительствам некоторых стран, является поддержание порядка и обеспечение безопасности вдоль транспортных коридоров. Ведь в случае их неспособности решить данную задачу грузоотправителю придется обратиться к тем организациям, которые за достаточно высокую плату обеспечат сохранность груза¹.

Поскольку основными отправителями товаров в большинстве случаев выступают китайские компании, в том числе и государственные корпорации, то следует полагать, что они прибегнут к услугам национальных охранных структур, например частных военных компаний. Следствием такого развития ситуации станет размещение на территории зарубежных стран китайских военизированных формирований. Нельзя исключать, что в случае существенного обострения обстановки Пекин может пойти на привлечение к обеспечению безопасности подразделений Народно-освободительной армии Китая (НОАК). В связи с этим следует ожидать появления военных баз КНР на территории иностранных государств. Тем более что у китайцев появятся рычаги давления на правительства этих стран, попадающих в экономическую зависимость.

Из стран АСЕАН наиболее неблагоприятная ситуация в контексте угрозы реализации инфраструктурных проектов складывается в Мьянме, где в 2017 г. обострилась внутривнутриполитическая обстановка, проявившаяся в вооруженных столкновениях с многочисленными жертвами в двух штатах страны. В результате правительственные войска ведут борьбу в штате Шан с Армией национального демократического альянса Мьянмы (состоящей в основном из этнических китайцев), и в штате Ракхайн, где находятся самые большие месторождения нефти и газа, — с Армией спасения рохинджа Аракана. Наличие этих точек нестабильности может оказать негативное влияние не только на перспективы создания экономического коридора, но и на реализацию стратегии «Один пояс, один путь». Наличие общей границы протяженностью 2200 км повышает вероятность использования НОАК для защиты важных, с точки зрения Китая, объектов — морских портов, нефте- и газопровода, поставляющих углеводородное сырье в юго-западную часть Китая.

Проблема ЮКМ в отношениях КНР со странами АСЕАН

Пекин уделяет повышенное внимание реализации концепции «Морской шелковый путь XXI века». Около 90% всей торговли Китая осуществляется водным транспортом, в том числе значительный объем нефти и сжиженного природного газа доставляется в страну по морю.

1. “The State of Southeast Asia: 2019 Survey Report”, ISEAS — Yusof Ishak Institute, Singapore, 2019, pp. 26–30. URL: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/TheStateofSEASurveyReport_2019.pdf.

В связи с этим для современного Китая большое значение приобретает Южно-Китайское море, так как именно через его акваторию происходит основной товарообмен страны с внешним миром. Для Пекина особенно важно обеспечить безопасность транспортных коммуникаций как основного фактора экономического роста и политической стабильности страны. Вместе с тем решение этого вопроса во многом зависит от США, которые неоднократно выражали намерение твердо защищать позиции стран АСЕАН в территориальных спорах с КНР. Несмотря на готовность решительных мер по отстаиванию своих интересов, Китаю важно не допустить открытой конфронтации в регионе, за которой может последовать вмешательство Вашингтона¹.

В отношении ЮКМ Китай выбрал наступательную позицию взамен разного рода компромиссных мер. Укрепление обороны спорных островов, размещение на них средств ПВО и противокорабельных ракет, проведение учений с привлечением авианосца «Ляонин» и носителей ядерного оружия — бомбардировщиков «Хун-б», служат подтверждением того, что решение третейского суда в Гааге, принятое в июле 2016 г., КНР выполнять не планирует.

Вместе с тем определенная политическая реакция на предписания международного судебного органа со стороны Пекина последовала. В сентябре 2016 г. Пекин и Манила пришли к соглашению о необходимости выработки Кодекса поведения в вопросах предъявления прав и мирного решения споров в ЮКМ. Одновременно страны АСЕАН и КНР подписали совместное заявление, подтверждающее их общую приверженность следовать Кодексу о незапланированных встречах в акватории моря для обеспечения безопасности действий военных кораблей и самолетов.

Дальнейшее развитие отношений Пекина с Манилой свидетельствует, что китайцам удалось перевести вопрос территориальных притязаний исключительно в двусторонний формат. Президент Р. Дутерте взял курс на сближение с Китаем. Итогом может стать согласие Филиппин на деятельность КНР на рифе Мисчиф в обмен на экономическую компенсацию.

Стороны уже согласовали вопрос о выделении Филиппинам финансирования в виде прямых инвестиций и льготных займов на общую сумму 24 млрд долл., а также о создании в стране дополнительно 2 млн рабочих мест для местного населения. Во время визита в Китай Р. Дутерте подписал соглашения о расширении филиппино-китайского экономического сотрудничества, в частности в области финансов, туризма, высоких технологий, транспорта и строительства².

Кроме того, две страны в 2017 г. создали механизм консультаций по вопросам ЮКМ в целях урегулирования спорных ситуаций путем переговоров. Третья встреча в рамках созданного механизма состоялась 18 октября 2018 г. в Китае. В ней приняли участие заместители министров иностранных дел, а также представители военных ведомств, управлений береговой охраны, природных ресурсов и окружающей среды, рыбного хозяйства, транспорта и энергетики двух стран. Обсуждались вопросы углубления практического сотрудничества на море, включая совместную разведку нефти и газа.

Вьетнам выступает против такого подхода к территориальному спору в ЮКМ. Военно-политическое руководство страны проявляет готовность отстаивать свои суверенные права на острова. После отказа участников Ассоциации поддержать вьетнам-

1. *Ankit Panda*, “US, India, Japan, Philippine Navies Demonstrate Joint Presence in South China Sea”, *The Diplomat*, 11 May 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/05/us-india-japan-philippine-navies-demonstrate-joint-presence-in-south-china-sea/>.

2. “Japan, US and Australia begin own ‘Belt and Road’ in South Pacific”, *Nikkei Asian Review*, 25 June 2019. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Internationalrelations/Japan-US-and-Australia-begin-own-Belt-and-Road-in-South-Pacific>.

ское предложение о включении в текст итогового коммюнике 50-й встречи министров иностранных дел АСЕАН в августе 2017 г. пункта, осуждающего действия КНР, Ханой посчитал, что может рассчитывать только на помощь третьих стран, в частности Вашингтона.

США, действительно, оказывают дипломатическую поддержку Вьетнаму, стороны развивают военное и военно-техническое сотрудничество. Однако Белый дом не заинтересован в вооруженном конфликте с Пекином. Данный факт дает основание предположить, что КНР продолжит действовать с позиции своего неоспоримого суверенитета над территориями ЮКМ¹.

В свою очередь и страны АСЕАН в вопросе защиты своих интересов в ЮКМ во многом опираются на американскую поддержку. Без помощи Вашингтона они не способны противостоять Китаю, особенно в силу наличия их собственных разногласий по вопросу о разграничении суверенных прав на спорные острова. Тем не менее, в августе 2018 г. государства ЮВА совместно с КНР завершили работу по согласованию Кодекса поведения сторон в морском и воздушном пространстве ЮКМ, что положительно влияет на региональную обстановку и снижает степень напряженности. Вместе с тем даже в случае одобрения документа всеми участниками спора это не приведет к окончательному решению проблемы.

Культурно-образовательные инструменты усиления влияния Китая в Юго-Восточной Азии

Для снижения негативного отношения к усилению влияния Китая в ЮВА и инициативе «Один пояс, один путь» Пекин активно использует еще один инструмент «мягкой силы» — распространение китайской культуры и ценностей за рубежом.

Председатель КНР Си Цзиньпин 14 мая 2017 г. на первом форуме ОПОП в Пекине представил китайское видение нового этапа данной инициативы: дальнейшее развитие концепции затронет пять сфер — политическую, инфраструктурную, торговую, финансовую и гуманитарную. В докладе подробно раскрыты место и роль последнего из пунктов данного перечня, который воплотился в тезисе о превращении ОПОП в «путь цивилизации». Его смысл заключается в том, что для поступательного развития требуются взаимное понимание, уважение и доверие².

Перед КНР стоит цель убедить другие государства, что так называемой китайской угрозы не существует. Для этого глава Китая определил ряд задач, направленных на построение «пути цивилизации»:

- создать многоуровневый механизм гуманитарного сотрудничества, открыть еще больше каналов для взаимодействия;
- продвигать образовательное сотрудничество, расширять масштаб взаимного обмена студентами, повышать уровень совместно создаваемых учебных заведений;
- задействовать аналитические центры, создать связи между ними;
- в сферах культуры, спорта здравоохранения создавать новые модели сотрудничества, продвигать практические проекты;
- использовать историческое культурное наследие, совместно создавать обладающие спецификой Шелкового пути туристические продукты, охранять наследие;

1. *Andrew Poulin*, “How the World Overpowered Piracy in the Horn of Africa”, *International Policy Digest*, 16 January 2016. URL: <https://intpolicydigest.org/2016/01/16/how-the-world-overpowered-piracy-in-the-horn-of-africa/>.

2. “China Faces New Competition as Japan, India Eye Sri Lanka Port”, *Bloomberg*, 21 May 2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-05-21/japanindia-in-deal-at-belt-and-road-colombo-port-nikkei>.

- через укрепление связей национальных парламентов, политических партий, неправительственных организаций, через тесные обмены между женщинами, молодежью, инвалидами создавать новые связи между государствами;

- развивать международное антикоррупционное сотрудничество.

Для исполнения поставленных задач китайские власти активизировали усилия по увеличению числа иностранных студентов из Юго-Восточной Азии в Китае, а также расширению в субрегионе географии и численности институтов Конфуция. На практике данный подход отразился, в первую очередь, в мерах поддержки распространению китайского языка. Несмотря на сложность, его популярность в мире в целом и в ЮВА, в частности, растет, что во многом связано с ростом и необходимостью экономического сотрудничества с КНР. Соответственно, объективно растет потребность в преподавании языка путем привлечения китайских специалистов¹.

Спрос на него в странах АСЕАН удовлетворяется с помощью различных образовательных программ, финансируемых как центральными, так и региональными властями Китая. По данным Министерства образования КНР, в последние годы ведомство уже направило в страны ЮВА более 7 тыс. преподавателей и добровольцев, а также подготовило для субрегиона 10 тыс. преподавателей китайского языка из числа его жителей.

Китайский язык постепенно становится главным языком бизнеса в регионе, чем еще больше повышает интерес местных жителей к его изучению. Многие конференции и выставки, проводимые совместно КНР и странами—членами АСЕАН, финансируются из китайского бюджета. Целью данных мероприятий является не только решение важных вопросов и заключение выгодных контрактов, но и превращение китайского языка в необходимость. Китай добивается, чтобы высокопоставленные лица и владельцы компаний общались не на английском, а на китайском языке.

С целью распространения китайской культуры и языка в зарубежных странах власти Китая оказывают финансовую и техническую поддержку культурно-образовательным центрам — институтам Конфуция, принимают участие в организации образовательных школ и классов. В странах АСЕАН действует 41 институт Конфуция, но размещены они неравномерно: больше всего в Таиланде — 23, в Индонезии — 7².

Данные образовательные учреждения играют важную роль в деле ознакомления стран субрегиона с лучшими достижениями китайской национальной культуры, а также содействуют культурному обмену между Китаем и иностранными государствами. Поэтому они являются важной составной частью внешней пропагандистской работы страны. Официально позиционируясь как специализированные центры изучения китайского языка и культуры, институты Конфуция призваны способствовать расширению круга «друзей Китая» за рубежом и формированию благоприятной для Пекина информационно-культурной среды.

Пекин стремится устранить все препятствия в обмене студентами в зоне свободной торговли КНР—АСЕАН, а также повысить привлекательность и конкурентоспособность национальных вузов. Создание китайскими властями комфортных условий для обучения студентов из ЮВА, в том числе упрощение процедуры получения китайских въездных виз и выделение китайским правительством государственных стипендий, способствовали значительному росту в Китае числа студентов из стран субрегиона в Китае.

1. 7 Katie Lange, “National Defense Strategy: Alliances and Partnerships”, US Department of Defense, 8 October 2018. URL: <https://www.defense.gov/explore/story/Article/1656016/national-defense-strategy-alliances-and-partnerships/>.

2. “Indo-Pacific Strategy Report”, US Department of Defense, 1 June 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENTOF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>.

Китайское правительство ежегодно учреждает стипендии для иностранных студентов. В связи с этим на регулярной основе проводятся встречи представителей министерств образования, на которых одной из обсуждаемых тем является взаимное признание документов об образовании и ученых степенях. Стороны активизировали усилия по выполнению плана, по которому к 2020 г. в Китае число студентов из стран АСЕАН должно составить 100 тыс. человек, столько же граждан государств ЮВА будет проходить обучение в КНР¹.

Пекин выделил 8,9 млрд долл. на «работу по пропаганде имиджа государства за рубежом», включая финансирование работающего 24 часа новостного канала Синьхуа, ведущего спутниковую трансляцию на страны Азии. Основное правительственное печатное англоязычное издание «Чайна дейли» (China Daily) платит деньги ведущим издательствам государств АСЕАН, чтобы его вкладыши были в местных газетах.

Укрепление экономических связей способствует развитию туристической отрасли. Китай стал крупнейшим поставщиком туристов для Таиланда, Вьетнама, Индонезии и Камбоджи и вторым источником туристов для Сингапура².

Согласно статистике Министерства спорта и туризма Таиланда, в 2018 г. количество китайских граждан, совершивших поездки в Таиланд, превысило 10 млн человек, что принесло Таиланду доход в размере 17 млрд долл. с приростом 15,78% по сравнению с предыдущим годом. Число китайских туристов, посетивших Филиппины в 2018 г., составило 842,6 тыс. человек, Камбоджу — 1,64 млн (рост 72% по сравнению с аналогичным периодом 2017 года).

В целом потенциал применения культурно-образовательных инструментов КНР в регионе АСЕАН достаточно велик, а формы и методы их применения разнообразны.

Заключение

Военно-политическая обстановка в Юго-Восточной Азии носит сложный и противоречивый характер. В значительной степени она определяется стремлением Китая расширить зону своего политического, экономического и военного присутствия. Следствием этих шагов является обострение отношений не только с соседними странами, но и с США, исторически рассматривающих субрегион как зону своих стратегических интересов.

Страны АСЕАН планомерно вовлекаются в сферу влияния Китайской Народной Республики, которой на пути превращения в мировую державу необходимо занять лидирующую позицию в Юго-Восточной Азии. Для распространения своего влияния на государства субрегиона КНР использует инструменты «мягкой силы»: экономические, дипломатические и культурно-образовательные.

С рядом государств Ассоциации Китай установил отношения стратегического партнерства. Кроме того, дополнительным условием успеха влияния Пекина в регионе являются продолжительная история экономических взаимоотношений с государствами — членами АСЕАН и четкое понимание важности отделения экономических вопросов от территориальных претензий.

Вместе с тем одновременно с дальнейшим расширением многопрофильного сотрудничества с Китаем в странах ЮВА растет число противников развития взаимодействия. Свою позицию они обосновывают опасением попадания в долговую зависимость от Пекина.

-
1. В настоящее время число китайских студентов в странах АСЕАН составляет более 70 тыс. человек, а количество студентов из стран АСЕАН в Китае — свыше 40 тысяч.
 2. *Lorand Laskai*, “Why Does Everyone Hate ‘Made in China 2025’?”, Net Politic, 28 March 2018. URL: <https://www.cfr.org/blog/why-does-everyone-hatemade-china-2025>.

Экономическая выгода от сотрудничества не исключает наличия в отношениях КНР и АСЕАН серьезных противоречий. Безусловно, хозяйственная кооперация производит благоприятный эффект. Однако политическая элита в ряде государств негативно реагирует на рост военного потенциала Китая.

Расположенные здесь страны выступают против доминирования какой-либо державы в Юго-Восточной Азии. Они придерживаются позиции, что формирующийся миропорядок должен быть многосторонним, с равноправными интересами всех государств. Китай же подходит к этому вопросу по-своему и заявляет об образовании нескольких «центров силы» с разделением их ответственности по регионам. Для него таким «районом влияния» как раз и становится ЮВА. Она превращается в площадку для закрепления Пекином лидерства. Об этом свидетельствуют его стремление к экономическому сотрудничеству, заинтересованность в ресурсах, а также расширение влияния.

Кроме того, следует полагать, что КНР не остановится на уже завоеванных позициях в Южно-Китайском море и будет добиваться установления полного, в том числе военного, контроля над спорными островами, которые в Пекине считают исконно китайскими. Если КНР будет контролировать ЮКМ, ее влияние как военной и финансовой сверхдержавы существенно увеличится. Многие страны региона выражают озабоченность, что тогда Китай сможет установить гегемонию, подобную японской во время Второй мировой войны. Самым негативным последствием для АСЕАН является попадание организации под полное влияние КНР в политической и экономической областях.

В связи с этим в ближайшей перспективе существует вероятность обострения отношений между Китаем и отдельными странами ЮВА, что может выразиться во временной или полной приостановке совместных инфраструктурных проектов, а также в активизации укрепления связей стран—участниц АСЕАН с США и другими западными государствами.

Список литературы

1. “Asia Power Index 2019”, Lowy Institute. URL: <https://power.lowyinstitute.org>.
2. “Bangladesh Bank Open Data Initiative” Bangladesh Bank. URL: <https://www.bb.org.bd/econdata/>, accessed March 11, 2019.
3. “China Faces New Competition as Japan, India Eye Sri Lanka Port”, Bloomberg, 21 May 2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-05-21/japanindia-in-deal-at-belt-and-road-colombo-port-nikkei>.
4. “China-Cambodia Community of Shared Future Features Four Special Points: Chinese Ambassador to Cambodia,” Fresh News Asia, May 8, 2019. URL: <http://m.en.freshnewsasia.com/index.php/en/localnews/13941-2019-05-08-08-06-23.html>.
5. “Foreign Direct Investment (FDI) in Bangladesh Survey Report January-June, 2017” Statistics Department Bangladesh Bank. URL: <https://www.bb.org.bd/pub/halfyearly/fdisurvey/fdisurveyjanjun2017.pdf>, accessed March 11, 2019.
6. “Global Center for Mekong Studies Launched in Cambodia,” Xinhua, September 28, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-09/28/c_136645466.htm.
7. “Indonesia to Propose Projects Worth US\$91 Billion for China’s Belt and Road,” The Straits Times, March 20, 2019. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/indonesia-to-propose-projects-worth-us91-billion-for-chinas-belt-and-road>.
8. “Indo-Pacific Strategy Report”, US Department of Defense, 1 June 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENTOF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>.
9. “Japan, US and Australia begin own ‘Belt and Road’ in South Pacific”, Nikkei Asian Review, 25 June 2019. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Internationalrelations/Japan-US-and-Australia-begin-own-Belt-and-Road-in-South-Pacific>.

10. “The State of Southeast Asia: 2019 Survey Report”, ISEAS — Yusof Ishak Institute, Singapore, 2019. URL: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/TheStateofSEASurveyReport_2019.pdf.
11. Katie Lange, “National Defense Strategy: Alliances and Partnerships”, US Department of Defense, 8 October 2018. URL: <https://www.defense.gov/explore/story/Article/1656016/national-defense-strategy-alliances-and-partnerships/>.
12. Andrew J. Nathan, “China’s Challenge,” *Journal of Democracy* 26, no. 1 (January 2015): 157. URL: <https://www.journalofdemocracy.org/article/china%E2%80%99s-challenge>.
13. Andrew Poulin, “How the World Overpowered Piracy in the Horn of Africa”, *International Policy Digest*, 16 January 2016. URL: <https://intpolicydigest.org/2016/01/16/how-the-world-overpowered-piracy-in-the-horn-of-africa/>.
14. Ankit Panda, “US, India, Japan, Philippine Navies Demonstrate Joint Presence in South China Sea”, *The Diplomat*, 11 May 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/05/us-india-japan-philippine-navies-demonstrate-joint-presence-in-south-china-sea/>.
15. Ben Sokhean, “Hun Sen Inks Nine Deals with China,” *Khmer Times*, April 29, 2019. URL: <https://www.khmertimeskh.com/50598850/hun-sen-inks-nine-deals-with-china/>.
16. Bilahari Kausikan, “Dealing with an Ambiguous World — Lecture III: ASEAN & US-China Competition in Southeast Asia” (Singapore: IPS-Nathan Lectures, March 30, 2016). URL: https://lkyspp.nus.edu.sg/docs/default-source/ips/mr-bilahari-kausikan-speech7d7b0a7b46bc6210a3aaff0100138661.pdf?sfvrsn=cec7680a_0.
17. Cecilia Joy Perez and Derek Scissors, “Be Wary of Spending on the Belt and Road”, AEI, November 2018. URL: <https://www.aei.org/wp-content/uploads/2018/11/Updated-BRI-Report.pdf/>.
18. Christopher Sharman, “After a China-Vietnam Standoff, Expect a Turn to the U.S.,” *The Diplomat*, September 20, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/09/after-a-china-vietnam-standoff-expect-a-turn-to-the-us>.
19. David Shambaugh, “U.S.-China Rivalry in Southeast Asia: Power Shift or Competitive Coexistence”, *International Security* 42, no. 4 (Spring 2019).
20. Derek Scissors, “China’s Global Business Footprint Shrinks”, AEI, July 2019. URL: <https://www.aei.org/wp-content/uploads/2019/07/Chinas-Global-BusinessFootprint-Shrinks.pdf>.
21. Dewi Fortuna Anwar, “Indonesia-China Relations: Coming Full Circle,” in *Southeast Asian Affairs 2019*, ed. Daljit Singh and Malcolm Cook (Singapore: ISEAS — Yusof Ishak Institute, 2019).
22. Eric Heginbotham, “China’s Strategy in Southeast Asia,” in *China Steps Out: Beijing’s Major Power Engagement with the Developing World*, ed. Joshua Eisenman and Eric Heginbotham (New York: Routledge, 2018).
23. Jitsiree Thongnoi, “Too Little, Too Late for US ‘Recommitment’ to Mekong Countries? China’s AI-ready There,” *South China Morning Post*, June 16, 2019. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3014612/toolittle-too-late-us-recommitment-mekong-countries-chinas>.
24. Jonathan Stromseth and Hunter Marston, “As U.S. Aircraft Carrier Departs Vietnam, What are the Implications for Regional Security,” *The Brookings Institution*, March 9, 2018. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/03/09/as-a-u-s-aircraft-carrier-departs-vietnam-what-are-the-implications-for-regionalsecurity/>.
25. Khin Khin Kyaw Kyee, *China’s Multi-layered Engagement Strategy and Myanmar’s Realities: The Best Fit for Beijing Policy Preferences* (Yangon: Institute for Strategy and Policy — Myanmar, 2018).
26. Lisa Tobin, “Xi’s vision for Transforming Global Governance: A Strategic Challenge for Washington and Its Allies,” *Texas National Security Review* 2, no. 1 (November 2018). URL: <https://tnsr.org/2018/11/xis-vision-for-transforming-global-governance-a-strategic-challenge-for-washington-and-its-allies/>.
27. Liu Zhen, “What’s China’s ‘Nine-Dash Line’ and Why Has It Created So Much Tension in the South China Sea,” *South China Morning Post*, July 12, 2016. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/1988596/whats-chinas-nine-dash-line-and-why-has-it-created-so>.
28. Michelle Jamrisk, “China No Match for Japan in Southeast Asia Infrastructure Race,” *Bloomberg*, June 22, 2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-06-23/china-no-match-for-japan-in-southeast-asia-infrastructure-race>.

29. *Mitsuru Obe and Marimi Kishimoto*, “Why China is Determined to Connect Southeast Asia by Rail,” *Nikkei Asian Review*, January 9, 2019. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Cover-Story/Why-China-is-determined-toconnect-Southeast-Asia-by-rail>.
30. *Pradumna B. Rana and Xianbai Ji*, “Belt and Road Forum 2019: BRI 2.0 in the Making?” *S. Rajaratnam School of International Studies*, May 2, 2019. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2019/05/CO19086.pdf>.
31. Taiki Koga. *JETRO Business News*, 2017–6–12. URL: <https://www.jetro.go.jp/biznews/2017/06/ce5ab47418ba84cc.html>, accessed March 5, 2019.
32. *William A. Callahan*, “China’s ‘Asia Dream’: The Belt and Road Initiative and the New Regional Order,” *Asian Journal of Comparative Politics* 1, no. 3 (2016).
33. *Zhang Yunling*, “China and Its Neighborhood: Transformation, Challenges, and Grand Strategy”, *International Affairs* 92, no. 4 (2016), 839.
34. *Lorand Laskai*, “Why Does Everyone Hate ‘Made in China 2025’?”, *Net Politic*, 28 March 2018. URL: <https://www.cfr.org/blog/why-does-everyone-hatemade-china-2025>.

R. Polonchuk. The Policy of the People's Republic of China in Southeast Asia

The article considers the main directions of the policy of the People’s Republic of China in Southeast Asia. The analysis of political, trade, economic, cultural and educational measures of China to strengthen its influence in Southeast Asia is carried out. Particular attention is paid to the consideration of problematic issues of organizing trade and economic cooperation and ensuring regional security of the PRC together with the countries of Southeast Asia. The problem of the South China Sea in relations between China and ASEAN countries is considered.

Keywords: People's Republic of China, Southeast Asia, trade and economic relations, cooperation, regional security, South China Sea.

Polonchuk Ruslan Andreevich, Postgraduate Student, Department of International Security and Foreign Policy Activities of Russia, Institute of Law and National Security, Faculty of National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA).